

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

ЧЕРНЫЕ
КРЫЛЬЯ
КТУЛХУ
2

Восемнадцать историй
из вселенной
Лавкрафта

Под редакцией С. Т. Джоши

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111 + 821.111(73)
ББК 84(4Вел) + 84(7Coe)-44
Л 13

Edited by S.T. Joshi
BLACK WINGS OF CTHULHU. VOLUME 2:
Eighteen Tales of Lovecraftian Horror
Copyright © 2012, 2014 by the individual contributors
Introduction Copyright © 2012, 2014 by S.T. Joshi
Cover Art Copyright © 2012, 2014 by Jason Van Hollander
All rights reserved
This translation of Black Wings of Cthulhu. Volume 2,
first published in 2012, is published
by arrangement with Titan Publishing Group Ltd.

Под редакцией С. Т. Джоши

Перевод с английского
Марии Акимовой, Василия Дорогокупля, Дарьи Кальницкой,
Светланы Лихачевой, Таиры Мамедовой, Тимофея Матюхина,
Юрия Павлова, Анны Петрушиной, Татьяны Савушкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © М. А. Акимова, перевод, 2020
- © В. Н. Дорогокупля, перевод, примечания, 2020
- © Д. С. Кальницкая, перевод, 2020
- © С. Б. Лихачева, перевод, примечания, 2020
- © Т. Ф. Мамедова, перевод, 2020
- © Т. А. Матюхин, перевод, 2020
- © Ю. Ю. Павлов, перевод, 2020
- © А. А. Петрушина, перевод, 2020
- © Т. А. Савушкина, перевод, 2020
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-14673-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каковы отличительные черты «лавкрафтианского» сказа? Вопрос только кажется простым; на самом деле за ним скрывается множество неясностей, двусмысленных толкований и парадоксов. Термин «лавкрафтианский» может охватывать широкий круг произведений — от самых откровенных подражаний, пытающихся (как правило, безуспешно) имитировать плотную, вычурную прозу Лавкрафта и банально использующих его богов, персонажей и места действия, до оригинальных историй, лишь частично основанных на лавкрафтовских темах и образах, и вплоть до пародий, как вполне уважительных («К Аркхему и звездам» Фрица Лейбера), так и не лишенных сарказма («Хребты бессветия» Артура Кларка). В серии «Черных крыльев» я поставил себе целью всячески избегать первых, при этом продвигая вторые и, уже в меньшей степени, третьи из вышеупомянутых типов произведений. Давно прошли времена, когда Август Дерлет или Брайан Ламли могли придумать нового бога или запретную книгу, заявляя, что «работают в лавкрафтовской традиции». Что требуется сейчас, так это более изобретательное и глубокое внедрение лавкрафтианских элементов в текст, чтобы они органично сочетались с собственным стилем и мыслями автора.

С учетом вышесказанного для авторов и читателей в равной степени важно понимание как сущности вселенной Лавкрафта, так и литературных приемов, которые он

использовал при изложении своих эстетических и философских принципов. Одним из главных успехов современных исследователей творчества Лавкрафта стала убедительная демонстрация того факта, что Лавкрафт был чрезвычайно серьезным писателем, который — согласно его письмам и очеркам — постоянно обращался к ключевым вопросам философии и пытался найти ответы на них средствами литературы ужасов. Каково наше место в макрокосмосе? Существует ли бог — или боги? Какая судьба в конечном счете ждет человечество? Эти и другие «большие» вопросы неизменно поднимаются Лавкрафтом в манере, свойственной для его «космического» мировосприятия, выверенными штрихами он передает мимолетность и хрупкость человеческого бытия в беспредельной вселенной, которой, в свою очередь, недостает ясной цели и предназначения. При этом сильная привязанность Лавкрафта к родным местам сделала его своего рода регионалистом, оживляющим историю и топографию Провиденса, Род-Айленда и Новой Англии в целом, чтобы на фундаменте этой незыблемой реальности воздвигать свои космические умопостроения.

То, каким образом современные авторы используют эти и другие идеи и темы Лавкрафта в своем творчестве, мы можем видеть на примере произведений из данного сборника. Космических масштабов безразличие заложено в основу рассказа Мелани Тем «Георгины», и здесь для передачи эффекта не требуются какие-то ужасные или сверхъестественные подробности. Уникальный в своем роде топографический — даже археологический — хоррор, какой мы наблюдали в «Хребтах безумия», отчетливо присутствует в рассказах Ричарда Гэвина «Обитель падших» и Дональда Тайсона «Безликий». Том Флетчер при работе над вызывающим чувство тревоги «Видом» вполне

мог вдохновляться клаустрофобным ужасом лавкрафтовских «Снов в ведьмином доме». «Другой» Николаса Ройла предлагает изысканно-жутковатый подход к теме идентичности — теме, присутствующей в таких произведениях Лавкрафта, как «Изгой» и «За гранью времен».

Многие истории Лавкрафта связаны со вмешательством чужеродных сил в жизнь обычных людей, и эту сложную тему — очень по-разному, но равно увлекательно — подхватывают Джон Лэнган («Расцвет») и Джонатан Томас («Хозяин Котовых топей»). Рассказ Томаса по характеру и обстановке перекликается с «Зовом Ктулху», как и — на свой лад — произведения Джейсона Экхарта «Тогда отда-lo море мертвых...» и Брайана Эвенсона «Неликвид Уилкокса». «Невеста гончей» Кейтлин Р. Кирнан отдает дань уважения лавкрафтовскому «Псу», а рассказ Ника Маматоса «Мертвые носители» сюжетно связан с «Шепчущим во тьме». Однако во всех этих случаях проработка персонажей заметно отличается от собственно лавкрафтовской, что поднимает их над уровнем обычных подражаний и стилизаций. Разрыв материи вселенной в рассказе Даррелла Швейцера «Часовой Король, Стеклянная Королева и Человек с Сотней Ножей» подается как слияние фэнтези и хоррора, тогда как «Ожидание в мотеле „Перекресток“» Стива Резника Тема сливает воедино место действия и образ главного героя на общем фоне, который иначе как «лавкрафтианским» и не назовешь.

Одно из самых интересных явлений последних лет, видимо порожденное массой новых сведений о повседневной жизни и характере Лавкрафта, которые стали общедоступными после публикации его переписки, — это все более частое появление самого писателя на страницах художественных произведений в качестве персонажа или даже культовой фигуры. Джон Ширли в «Рождении через

смерть» и Рик Дакан в «Связуя несовместное» для создания мрачной и таинственной атмосферы обращаются — каждый по-своему — к индивидуальным особенностям личности Лавкрафта. Все более активное использование лавкрафтовской тематики в кино и на телевидении подсказало сюжеты для «Кастинга» Дона Уэбба и «Так предназначено» Чета Уильямсона — произведений, которые балансируют на грани пародии, притом оставаясь пугающими и тревожными. Джейсон В. Брок напрямую обращается к эпистолярному наследию Лавкрафта в истории, где недосказанное значит куда больше сказанного.

Тот факт, что столь непохожие писатели так или иначе соприкасаются с творчеством Лавкрафта, является свидетельством нетленности и востребованности его главных идей и тем. Здесь будет уместным вспомнить его высказывание: «Мы живем на мирном островке счастливого неведения посреди черных вод бесконечности, и самой судьбой нам заказано покидать его и пускаться в дальние плаванья»¹. Но ведь авторам художественных произведений как раз и назначено судьбой в своем воображении покидать пределы этого мирного островка; и зачастую результатом этого оказывается ужасающее осознание нашей пагубной отстраненности от грандиозных процессов, происходящих во вселенной. Лавкрафт потратил всю свою жизнь на поиски выхода за границы обычного человеческого восприятия, в космическую бесконечность, и сейчас мы видим, что все больше новых авторов готово вступить на этот путь вслед за ним.

С. Т. Джоши

¹ «Зов Ктулху». Перевод Л. Кузнецова.

РОЖДЕНИЕ ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ

Джон Ширли

Джон Ширли — автор большого числа романов, сборников рассказов, в том числе получивший премию Брэма Стокера «Черные бабочки» (Black Butterflies), и киносценариев. Так, он является автором сценария к фильму «Ворон» (The Crow). Среди его последних романов: «Демоны» (Demons, 2007), «Черное стекло» (Black Glass, 2008), «Мрачная история» (Bleak History, 2009), «Bioshock: Восторг» (Bioshock: Rapture, 2011) и «Все насмарку» (Everything Is Broken, 2011).

— Доктор, кто-то вломился в дом.

Федор не заметил и тени страха в серых глазах Леа. Впрочем, он никогда не видел ее испуганной, хотя она проработала бок о бок с ним без малого восемь лет — с тех пор, как Федор окончил интернатуру и открыл психиатрическую практику. Леа откинула каштановую прядь с бледного лба, поправила очки и продолжила:

— В вашем кабинете на окне сломана защелка. И мне кажется, я слышала, как кто-то ходит вниз, в подвале.

— Вы вызвали полицию? — спросил Федор, не сводя глаз с двери в подвал. Во рту у него пересохло.

Они стояли в прихожей старого дома перед аркой, ведущей в приемную.

— Да, конечно. Я как раз собиралась вам звонить, но вы уже появились.

Довольно долго они простояли, не проронив ни звука, прислушиваясь. Слабые лучи зимнего солнца проникали через эркерные окна приемной и отбрасывали на плетеный ковер причудливые тени тюлевых занавесок. Дальше по улице брехала собака, завывала противотуманная сирена — привычные звуки для городка Провиденс, что в штате Род-Айленд.

Внезапно прямо из-под паркетного пола раздался взрыв радостного смеха. И оборвался столь же внезапно, как начался, так что Федор даже засомневался, а не послышалось ли ему.

— Мне показалось или вы тоже слышали... смех?

— Да. — Леа глянула в окно и прибавила: — Полиция что-то не торопится.

— Леа, вам бы лучше подождать на улице.

Федор решил, что стоит пойти проверить, как бы незванные гости (кем бы они ни оказались) не устроили пожар и не причинили большого ущерба. Он как раз вел переговоры о покупке всего этого здания, чтобы устроить в нем лечебницу, оказывающую разные виды медицинских услуг, так что появление вандалов было сейчас особенно некстати. Дом, построенный в 1825 году, был огромен, и в настоящее время большинство его помещений не использовалось. Расположенный на первом этаже кабинет идеально подходил для работы с пациентами, а гостиная, примыкающая к парадному входу, была переоборудована в приемную.

Федор шагнул через арку, и в этот момент дверь подвала с шумом распахнулась. На пороге, всего в нескольких шагах от Федора, стоял субтильного сложения мо-

лодой человек с бутылкой вина в руке. Широкая улыбка быстро сползла с его лица.

— Ох! Я, кажется, совсем потерял счет времени. Как это неблагоприятно с моей стороны, — сказал неизвестный с акцентом уроженца южных штатов.

Он был одет в опрятный темный костюм, немного старомодную фланелевую куртку, накрахмаленную белую рубашку с узким синим галстуком и до блеска начищенные черные ботинки. Довершали картину серебряные запонки, ухоженные ногти и аккуратно зачесанные назад прямые черные волосы. Все это Федор отметил с профессиональной бесстрастностью, но в то же время он был слегка удивлен: в его представлении взломщик должен был выглядеть не элегантным джентльменом, а кем-то вроде тех угрюмых юнцов, которых он иногда осматривал в центре для содержания несовершеннолетних преступников. Темно-карие глаза незнакомца смотрели прямо на него — взгляд был искренним, улыбка казалась неподдельной, и тем не менее прямо-таки маниакальная аккуратность могла свидетельствовать о наличии определенного расстройств личности.

— Вы, похоже, заблудились, — заметил Федор, в то же время сигнализируя Леа выйти на улицу. Инстинктивно он пытался защитить женщину, но в случае с Леа это было неуместно: она имела атлетическое телосложение и, вероятно, лучше его сумела бы постоять за себя в драке. — Собственно говоря, молодой человек, вы, кажется, сбились с пути и попали в наш дом напрямик через окно...

— О да! — На его губах дрогнула улыбка. — Но только посмотрите, что я для вас нашел, доктор Чески! — С этими словами он помахал пыльной бутылкой. Она

была старая на вид, без этикетки. — Я прежде не имел обыкновения пить. Мне захотелось взять эту бутылку, захотелось начать с чего-то старинного и прекрасного. Я хочу начать новую жизнь. Мечтаю, чтобы все пошло по-другому. Жить! Бьюсь об заклад, вы и не догадывались, что внизу есть вино.

Федор моргнул:

— Ну... на самом деле...

По правде говоря, он никогда не думал, что в подвале может быть вино.

Завыла сирена, звук ее становился все громче, а потом резко оборвался. Громкие голоса перемежались треском раций, по дорожке перед домом затопали тяжелые башмаки. Молодой человек, вздохнув, аккуратно поставил бутылку на пол, прошел мимо замершего на месте Федора к двери и распахнул ее. Взмахом руки радушно приветствовал полицейских:

— Джентльмены, полагаю, вы явились за мной. Говорят, мое имя Роман Карл Боксер.

С пыльной бутылкой вина в руке Федор спускался по лестнице в подвал и думал об этом Романи Карле Боксере — не мог ли молодой человек быть когда-то его пациентом, не консультировал ли он его в свое время? Лицо казалось незнакомым, но, возможно, прежде он был не таким чистеньким и аккуратным, может быть, страдал от прыщей. «Говорят, мое имя Роман Карл Боксер». Весьма интересный способ представляться.

Подвал являл собой коробку из потрескавшегося бетона. Здесь сильно пахло плесенью, в дальнем углу скопилась лужица воды. С затянутого паутиной потолка

свисала одинокая лампа без абажура, дававшая достаточно света, чтобы Федор смог разглядеть по левую руку от себя кучки чего-то, больше всего напоминающего помет мелких грызунов. Справа же громоздились коробки со старыми папками — их только недавно сюда перенесли, и, судя по всему, с тех пор к ним никто не притрагивался. Никаких винных бутылок Федор пока не обнаружил, только на полу, покрытом слоем пыли, кое-где виднелись смазанные следы.

Некоторое время Федор стоял и вдыхал запах плесени и влажного бетона. Потом повернулся, чтобы уйти — долго здесь находиться не было никакого желания, — но решил все же более тщательно присмотреться к архивным коробкам. В них как-никак содержалась конфиденциальная информация, касающаяся его пациентов, и если этот парень забрался в них...

Он подошел к ящикам, убедился, что папки с бумагами выглядят нетронутыми, и тут увидел в дальнем конце подвала дыру в полу. Рядом с ней валялся небольшой блестящий ломик с сохранившимся ценником. Раньше Федор дыру видеть не мог — ее загораживали ящики с папками.

Он склонился над отверстием площадью почти в два квадратных фута и обнаружил, что прежде его прикрывала крышка из дерева и бетона — сейчас она была прислонена к стене. Внутри Федор разглядел несколько темных бутылок, помещенных каждая в деревянное гнездо. Бутылки с вином.

Одно гнездо пустовало. Бутылка, которую Федор принес с собой, точно вошла в пустую выемку.

Неделю спустя.

— Сделка совершилась. Я стал владельцем дома, — объявил слегка возбужденный Федор, проходя в приемную. Снял мокрое пальто и повесил на вешалку. Шмыгая носом, покрасневшим от холодного, промозглого ветра, он уточнил: — Ну, на паях с банком.

— Прекрасно! — воскликнула Леа, улыбнувшись одними уголками губ.

Она вешала картину на стену приемной. Это была репродукция морского пейзажа Тернера: абстрактное предимпрессионистское полотно, выполненное в золотистых, коричневых и голубых тонах. Предположительно, оно должно было успокаивающе действовать на пациентов психиатра, настраивать их на философские размышления. Впрочем, некоторых больных могла бы вывести из состояния равновесия даже такая безобидная картина.

Леа отступила от стены и удовлетворенно покивала.

Федор посчитал, что картина висит несколько неровно, но не стал ее поправлять. Он знал, что тем самым вызовет раздражение у своей ассистентки, хоть и проявится оно лишь в легком дрожании губ. Удивительно все же, насколько хорошо он узнал девушку, научился предугадывать ее реакцию, и в то же время насколько ровными были их отношения. Ничего не попишешь — необходимость соблюдать профессиональную дистанцию. Но как же ему хотелось преодолеть ее в случае с Леа...

— Звонил вежливый детектив, — сообщила Леа и сама поправила репродукцию. — Он спрашивал, будем ли мы настаивать на обвинении этого человека во взломе.

— Я лично не настроен подавать на него в суд.

— Правда? Его отпустили на поруки, вы знаете? Он же может вернуться.

— Мне бы вовсе не хотелось начинать здесь практику с предъявления обвинения первому же душевнобольному, с которым меня свел случай.

Федор подошел к эркерному окну и выглянул на улицу, где под унылым дождем мок, качая голыми ветвями, растущий перед домом старый, искривленный вяз, почерневший от времени.

— Но ведь вы его по-настоящему и не осмотрели...

— Он был дезориентирован настолько, что забрался в окно и, не обращая внимания на хранящиеся в доме ценности, спустился в подвал и начал там вскрывать пол.

— Вы проверили вино? То, которое он обнаружил внизу?

Федор кивнул:

— Хэл провел экспертизу. Это итальянское вино урожая начала двадцатого века, доставлено прямиком с какого-то виноградника. Увы, с годами оно не сделалось лучше. По его словам, там практически чистый уксус.

«Но каким образом Роман Боксер узнал, что в подвале спрятано вино? Похоже, оно находилось в тайнике несколько десятилетий».

Что-то еще беспокоило доктора в этом происшествии, что-то такое, чему он не мог подобрать определение. Просто ощущение, что он должен был распознать нечто в этом Романи Боксере. Но пока все казалось таким туманным...

— Ой, вы же получили одобрение на ограниченное тестирование SEQ10. Письмо лежит у вас на столе. Там содержатся определенные предписания, но...

SEQ10. Они прождали почти целый год. Дела постепенно налаживались.

Он обернулся, чтобы посмотреть на Леа, и внезапно ощутил прилив нежности по отношению к девушке. Как хорошо, что она работает вместе с ним. Она держалась немного чопорно, сдержанно, всегда трезво мыслила и контролировала свои чувства, но иногда...

— И еще, — с заминкой прибавила Леа, направляясь к двери, — звонила ваша мама.

Мать оставила ему сообщение следующего содержания:

«Пожалуйста, позвони. Этот сумасшедший санитар опять взялся за свое».

Его мать. Ложка дегтя в бочке меда. Опять причитает по поводу санитары из психиатрической больницы, который, как она себе вообразила, преследует ее. Но именно мать и стала той причиной, которая привела Федора Чески в психиатрию. Ее мания, ее приступы амнезии. Психоаналитик Федора предполагал также, что мать отчасти послужила причиной некоторой его замкнутости и холодности — компенсация за ее экстравагантное поведение. Экстравагантность и эпатаж были характерны для нее в одни периоды, а в другие — почти кататоническое состояние и подверженность амнезии. Только решительность и сила воли помогали ему справляться с обеими крайностями. А периоды амнезии вызвали интерес к SEQ10.

Прозвенел дверной колокольчик, и Федор направился к себе в кабинет, чтобы принять первого на сегодня пациента. Но первым посетителем оказался вовсе не пациент. Леа провела в кабинет невысокую даму средних

лет с убранными в тугой хвост черными волосами, подрисованными бровями, темно-красной помадой на губах и избытком румян на щеках. На ней был розовый макинтош, с зонтика также розового цвета на ковер капала вода.

— Я знаю, доктор Чески, что мне не следовало приходить сюда без предварительной договоренности, — заговорила дама оживленно, то понижая, то вновь повышая голос. При этом она на птичий манер вертела головой, переводя взгляд с Федора на Леа. — Но он был так настойчив, мой сын Роман. Он сказал, что должен увидеться здесь со мной. Здесь или больше нигде и никогда. А потом просто повесил трубку. Господь свидетель — он уже доставил вам массу неприятностей. Скажите мне: он здесь?

— Здесь? Сегодня? — спросил Федор и посмотрел на Леа. Девушка пожала плечами и покачала головой.

— Он сказал, что будет наверху.

Над головами у них раздался глухой стук. Заскрипели половицы — кто-то быстрыми шагами ходил взад-вперед.

Леа прикрыла рот рукой и нервно рассмеялась. Для нее такое поведение было совсем нехарактерно.

— О господи! Он опять вломился в дом!

Взгляд матери Романа метался между доктором и Леа.

— Не опять! Я полагала, ему было назначено. Он сказал, что никому другому не доверяет. Понимаете, он едва меня знает...

Губы женщины задрожали.

Леа нахмурилась:

— Вы... отдали его на усыновление?

Сверху снова послышался глухой стук. Все присутствующие подняли глаза на потолок.

— Не-е-е-ет, — медленно протянула миссис Боксер. — Нет, он... уверяет, что не помнит, как рос вместе с нами. Со своей собственной семьей! Я показываю ему фотокарточки — он говорит, они ему «кажутся знакомыми», но говорит, все это происходило не с ним. Я просто не представляю, что бы это все значило. — Она вздохнула и торопливо продолжила: — Он все ходит-ходит по Провиденсу и ищет что-то... но не говорит, что именно.

Федор понимал, что должен вызвать полицию, но, когда Леа направилась к телефонному аппарату, велел ей остановиться.

«Уверяет, что не помнит, как рос вместе с нами. Со своей собственной семьей!»

SEQ10 являлся снотворным препаратом, предназначенным для лечения в том числе и истерической амнезии.

Федор задумчиво поглядел на миссис Боксер. На ней были надеты с виду непримечательные, но явно дорогие туфли. Она носила изысканные драгоценности, роскошный бриллиант украшал обручальное кольцо. Совершенно очевидно, что у нее водились деньги. Она сможет заплатить за лечение. Одна страховка не покроет затраты на SEQ10.

Федор сделал глубокий вдох, вытер вспотевшие ладони о брюки и поднялся по лестнице на второй этаж.

Романа он обнаружил в гостевой комнате, расположенной прямо над кабинетом. Молодой человек сидел на краешке кровати с пологом на четырех столбиках

и нервно крутил в руках стакан вина — этот стакан он позаимствовал из соседней ванной комнаты.

— Вижу, сегодня вы принесли вино с собой, — заметил Федор.

— Да. Мерло калифорнийского урожая. Все еще пытаюсь понять, каково это — пить. — Роман застенчиво улыбнулся. Сегодня на нем был тот же самый костюм, что и в предыдущий раз. Аккуратный, будто с иголочки. — Странные ощущения вызывает алкоголь. — Спустя мгновение он добавил: — Да, простите меня за дверь. Когда я пришел, здесь никого не было. А мне необходимо было войти.

Федор недовольно фыркнул. Он намеревался сдавать эту комнату под офис, а теперь этот ненормальный все испортил! Дверь, ведущая на наружную лестницу, была распахнута, дерево вокруг замка расщеплено. На прикроватном столике валялась большая отвертка.

— Ну и зачем? — воскликнул Федор. — Я имею в виду: отчего такая необходимость попасть в дом? Почему было просто не записаться на прием?

Роман поболтал вино в стакане:

— Я... я ищу здесь что-то. И я... не мог ждать. Не знаю почему.

В обычные дни в это время Федор уже должен был отправиться домой, но сегодня он задержался ради особенного пациента. Мать Романа быстро распорядилась починить сломанную дверь и заплатила приличный задаток за лечение сына. Кроме того, Роман был намного интереснее большинства рядовых пациентов Федора.

Сейчас молодой человек сидел, откинувшись на спинку большого мягкого кресла, и, казалось, был полностью погружен в свои мысли. Время от времени он разглаживал несуществующие складки на пиджаке.

— Ваша мать вкратце ввела меня в курс дела, — сказал Федор. — Может быть, расскажете, что вы сами считаете истинным, а что нет?

Он прочитал вслух свои записи.

Роману исполнился двадцать один год. Единственный ребенок в семье, он до девяти лет страдал от ночных кошмаров и периодически писался в кровать. Когда мальчику исполнилось тринадцать, умер его отец. Впрочем, они никогда не были близки. С трудом заводил друзей, но, так как был милым, располагающим к себе мальчиком, пожилые люди его любили. Сам Роман обожал кошек, однако после четвертой принесенной в дом кошки мать заставила его на этом остановиться. Когда одна из его питомиц умерла, Роман устроил ей пышные похороны. В старших классах поначалу был примерным учеником, дружил в основном с девочками, но именно дружил — не встречался. Сексом совершенно не интересовался. В последние годы учебы все стало плохо: юноша подвергся интернет-травле. С неохотой обсуждает эту тему. В итоге отказался посещать школу и доучивался на дому, получив диплом, эквивалентный диплому об окончании школы. Два года учебы в колледже, который он посещал весьма нерегулярно. В большинстве своем самоучка. На редкость тяжело переносит холодную погоду. Близких друзей нет, «за исключением книг».

— Роман, то, что я сейчас прочитал, все верно? — спросил Федор, запуская на ноутбуке текстовый редактор.

Молодой человек выглядел озадаченным.

— Не очень-то лестная история, правда? Я слушал, и мне казалось, будто все это происходило с кем-то, кого я знал, но непохоже, что со мной. Хотя, по-видимому, это все же про меня.

Федор напечатал: «Вероятно, расщепление личности, вызванное неудовлетворительным самовосприятием».

— Но с прошлого года ваши воспоминания кажутся вам... вашими?

— Верно, с прошлого года. Все теперь кажется реальным. Из того, что было прежде, я ничего не могу припомнить, если только кто-то мне не подскажет, но и тогда... это похоже на то, как восстановить в памяти давно увиденную телепередачу. Хотя на самом деле я этого тоже не помню...

Роман перевел взгляд на свисающую с потолка викторианскую люстру:

— Эта люстра висит здесь уже сотню лет.

— Вообще-то, я бы предположил, что она даже более старая, ведь дом был построен в начале девятнадцатого века, — рассеянно заметил Федор, пристраивая ноутбук таким образом, чтобы Роман не видел, что он печатает.

— Нет, — уверенно возразил молодой человек, — ее повесили здесь в начале двадцатого столетия. Хотя изготовлена она была в девятнадцатом.

Федор записал: «Возможно, мегаломания? Синдром ложной эрудиции?»

— По словам вашей матери, вы не уверены, что вас зовут Роман. Хотя она показывала вам свидетельство о рождении. Вы считаете, что свидетельство...

— Фальшивое? Ненастоящее? Что это часть заговора? — Роман усмехнулся. — Совсем нет! Я говорил лишь, что *чувствую*: мое имя не Роман. Я отзываюсь на него просто удобства ради. А каково мое настоящее имя — я действительно не представляю. Роман Боксер — это правильное имя. И неправильное. Но не нужно терять время и допытываться, почему это так. У меня нет ответа на ваш вопрос.

— И началось это, когда вы гуляли по пляжу...

— Да. В сентябре прошлого года. Мы отправились на остров Сэнди-Пойнт. Я и... ну, мать. У нее на острове есть небольшой домик... так мне стало известно. Мои настоящие воспоминания начинаются... собственно, с той самой минуты, когда я в тот день пришел на пляж. До того я почти ничего не помню. Она пробуждала кое-какие воспоминания, но... — Он прочистил горло и продолжил: — Знаете, у меня были такие странные ощущения с того момента, как я ступил на песок. — Роман мрачно улыбнулся. — Я чувствовал, что я — это не я. А затем... Об этом не поведать в двух словах...

— Прошу вас, расскажите мне свою историю.

Лицо Романа прояснилось, и он начал повествование:

— С удовольствием. У меня уже набралось с полдюжины записных книжек, заполненных всякими историями. Но эта — чистая правда. В общем, стоял чудесный день бабьего лета. Мне хотелось побыть одному. Эта женщина, которая настойчиво называет себя моей матерью... она и тогда часто пробуждала во мне тягу к одиночеству, поэтому я отправился на Напатри-Пойнт. Как вам известно, это большая прибрежная песчаная коса. Море казалось синим-синим, пушистые облака

скользили по такому же синему небу — настоящая почтовая открытка. Никого — только я и чайки. Понимаете, я не питаю особого интереса к прогулкам по берегу моря. Меня ничуть не привлекают всякие непонятные предметы, приносимые волнами. И еще этот запах моря — так могло бы пахнуть какое-то гигантское животное. Я бы лучше сходил в библиотеку. Но я постоянно слышу разговоры о том, как море служит источником вдохновения для многих людей. Я стремлюсь приблизиться к тому Огромному Нечто, которое таится вдали. Посему я шел по пляжу, пытаюсь избавиться от странного чувства внутренней дезориентации. И я в самом деле проникся тем, как причудливо лучи света пронзают гребешки волн, уподобляя их синему стеклу. Я ладонью прикрыл глаза от солнца и устремил свой взор вдалеку над волнами в попытке разглядеть все-все до самого горизонта. И испытал удивительное ощущение, словно кто-то или что-то в свою очередь глядит на меня оттуда.

Федор еде сдержал улыбку и напечатал: «Обожает драматизировать».

— И тут ни с того ни с сего я вдруг почувствовал себя беззаботным маленьким мальчиком. Потом был странный импульс, откуда-то изнутри меня. Он поднялся по позвоночнику, проник в голову, и вот я уже ору во весь голос: «Эй, там!» — Роман сложил ладони рупором, демонстрируя, как он кричал. — «Эй, я здесь!» Не знаю, доктор. Думаю, я действовал под влиянием момента, но я воистину был будто озорной мальчишка...

Федор напечатал: «Необычная манера выражаться с употреблением архаизмов. Проявляется время от вре-

мени. Возможно, клиническая лабильность? Приходит в возбуждение, когда рассказывает».

— ...и я прокричал: «Я здесь! Вернитесь!» Забавно, как мой собственный голос завибрировал эхом в ушах, и внутри головы вдруг отчетливо прозвучал пришедший из неизвестного далека ответ: *Они звонят, но из бессолнечных эпох, Что извергают...* И я громко выкрикнул эти строки в синюю даль. Сам не понимаю, почему я так сделал. Но я этого никогда не забуду.

«Слуховые галлюцинации, — констатировал Федор. — Компульсивное влечение».

Роман скорчился в кресле и, облизав губы, продолжил:

— Чудно́ это прозвучало, да, доктор? Вроде как неоконченная строфа из стихотворения.

«Снова использует вышедшие из употребления слова, например „чудно́“, „вроде как“. Претенциозность?»

— И стоило мне произнести эти загадочные слова, как я услышал звон гигантских колоколов — самых больших из всех, какие кому-либо доводилось слышать. И звон доносился будто бы из самой глубины морской! Чуть приглушенный толщей воды, но все же очень впечатляющий. Звон становился все громче и громче, он гремел с такой силой, что у меня заболела голова, как будто меня били по ней одновременно с каждым ударом колоколов. И с каждым ударом море, все раскинувшееся передо мной до самого горизонта полотно, становилось чуть темнее, и весьма скоро оно совсем почернело — да! все море сделалось черного цвета.

«Периодические галлюцинации, возможно, пароксизм. Наркотики?..»

— ...Нет-нет, доктор, я не употребляю наркотики! Я же вижу, вы сейчас подумали об этом. — Роман нервно улыбнулся и поправил галстук. — Но я никогда не увлекался наркотиками. Ну хорошо, пару раз бывало: покуривал марихуану через кальян — но всего несколько затяжек. Ничего даже и не ощутил.

Федор откашлялся — в горле застрял комок, и он не сразу смог задать вопрос:

— Когда у вас было это видение... когда вы увидели, как море почернело, вы не падали? Не утратили контроль над своим телом?

— Нет! Я... я не падал. — Роман облизал губы, выпрямился в кресле и весь задрожал от охватившего его возбуждения. — Ощущение было такое, будто меня парализовало увиденное. Понимаете, эта чернота, поглотившая океан, она крепко держала меня в своих объятиях. Хотя на самом деле нельзя говорить, что само море почернело, — это было как будто море исчезло, а его место заняло... ночное небо! Темное ночное небо, полное звезд! Я глядел в морские глубины, но в то же время смотрел в это ночное небо! У меня желудок подскочил к горлу, можете себе представить? Я видел созвездия, о которых вы и слыхом не слыхивали, видел, как они мерцают в море. Целые галактики в море! И вот мой взор привлекла одна большая желтая звезда. Она, казалось, становилась все больше и больше, и еще она приближалась, пока наконец я уже не видел ничего другого, кроме нее. А потом на ее фоне я заметил черный шар... Планета! Я вдруг оказался много ближе к ней и мог рассмотреть ее поверхность. Я узрел странным образом искривленные здания (вы вряд ли поверили бы, что они

вообще могут устоять, настолько они были изломаны), видел разбитые купола и летающих над ними бледных тварей без лиц. И я подумал, что это мир, который зовется... — Роман задумчиво покачал головой, рот его скривился. — Что-то вроде... Йеггет? Только не так. Я не могу вспомнить, как оно в точности произносится. — Он пожал плечами, потом развел руками и рассмеялся. — Да, я знаю, как это звучит. Так или иначе, я глядел с высоты на эту планету и слышал этот... это шипение. А потом — внезапная вспышка света, и я снова очутился на песчаном пляже. У меня слегка кружилась голова, поэтому я присел и посидел немножко, пытаюсь припомнить, как я оказался на этом пляже. Но не мог вспомнить, тогда не мог. Воспоминания о том, что я увидел в море, в черном небе — они были такими живыми! А что же было прежде того? Я пришел на пляж. Вроде бы хотел избавиться от общества какой-то назойливой особы...

— И ничего о том, что было раньше?

— Образ. Место. Я лежал на узкой кровати в белой комнате, и эта милая маленькая сестричка держала меня за руку. Вспомнив об этом, я испытал острейшее желание оказаться в этой белой комнате, на этой кровати, рядом с этой медсестрой. Там царили такой покой и умиротворение! Мне казалось, я даже слышу ее голос!

А потом, снова на пляже, я почувствовал, как у меня в кармане зажужжало. Я испугался: подумал, что там притаилась змея. Сунул руку, и тут что-то выскользнуло из кармана. Маленький серебристый предмет упал на песок. Он лежал там, жужжал и дергался на месте, точно взбесился. Теперь я видел, что это некий инструмент или, точнее сказать, прибор. Он казался мне одно-

временно знакомым и незнакомым, понимаете? Пришлось задуматься над тем, как заставить его работать. И я раскрыл этот механизм и услышал доносящийся из него голос, который повторял: «Роман! Роман, ты здесь?» Это была... это была моя мать. — Он уставился невидящим взглядом в стену. Голос его прервался. — Моя мать...

— Но вы не узнали предмет? Не поняли, что это был мобильный телефон?

— После того как услышал ее голос, я вспомнил. Но это было больше похоже на штуковину из одного научно-фантастического фильма, который я смотрел, «Звездный путь». Я совершенно не помнил, как купил эту вещь.

Федор сделал несколько пометок и кивнул:

— И с этого времени начались постоянные проявления долговременной памяти, ваше собственное имя стало казаться вам незнакомым. И вы испытываете чувство беспокойства. Все верно?

— Да, беспокойство. Внутреннее... побуждение. — Роман откинулся на спинку кресла и уставился на старинную люстру. — У меня появились проблемы со сном. Еще до рассвета я выхожу из дому и отправляюсь в свои долгие скитания... по старым районам Провиденса с их размеренным, десятилетиями не меняющимся укладом жизни, с контурами старинных крыш и георгианских шпилей на фоне неба...

«Старомодная манерность проявляется чаще, когда пациент предается воспоминаниям», — записал Федор.

— Вы говорили, у вас было такое чувство, будто вы что-то ищете...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Т. Джоши. Предисловие. Перевод В. Дорогокупли</i>	5
<i>Джон Ширли. Рождение через смерть. Перевод Т. Матюхина</i>	9
<i>Том Флетчер. Вид. Перевод Т. Мамедовой</i>	56
<i>Кейтлин Р. Кирнан. Невеста гончей. Перевод М. Акимовой</i> . . .	72
<i>Джонатан Томас. Хозяин Котовьих топей. Перевод Ю. Павлова</i>	97
<i>Ник Маматас. Мертвые носители. Перевод Т. Мамедовой</i> . . .	120
<i>Ричард Гэвин. Обитель падших. Перевод А. Петрушиной</i> . . .	141
<i>Мелани Тем. Георгины. Перевод А. Петрушиной</i>	164
<i>Джон Лэнган. Расцвет. Перевод Ю. Павлова</i>	175
<i>Джейсон Экхарт. «Тогда отдало море мертвых...». Перевод С. Лихачевой</i>	214
<i>Дон Уэбб. Кастинг. Перевод С. Лихачевой</i>	233
<i>Даррелл Швейцер. Часовой Король, Стеклянная Королева и Человек с Сотней Ножей. Перевод Д. Кальницкой</i>	254
<i>Николас Ройл. Другой. Перевод Д. Кальницкой</i>	275
<i>Стив Резник Тем. Ожидание в мотеле «Перекресток». Перевод Т. Матюхина</i>	285
<i>Брайан Эвенсон. Неликвид Уилкокса. Перевод С. Лихачевой</i>	300

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рик Дакан. Связуя несовместное. Перевод Т. Савушкиной . .</i>	316
<i>Дональд Тайсон. Безликий. Перевод С. Лихачевой</i>	349
<i>Джейсон В. Брок. История одного письма. Перевод Т. Савушкиной</i>	390
<i>Чет Уильямсон. Так предназначено. Перевод Д. Кальницкой . .</i>	407
<i>Примечания. В. Дорогокупля, С. Лихачева</i>	431

Лавкрафт Г. Ф., Кирнан К. Р., Ширли Дж. и др.

Л 13 Черные крылья Ктулху — 2 : Восемнадцать историй из вселенной Лавкрафта / Г. Ф. Лавкрафт, Кейтлин Р. Кирнан, Джон Ширли и др. ; под ред. С. Т. Джоши ; пер. с англ. М. Акимовой, В. Дорогокупли, Д. Кальницкой и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 448 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-14673-0

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, сделался маяком и ориентиром целого жанра, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов, неиссякаемым источником вдохновения для кинематографистов, да и само его имя стало нарицательным. Сам Борхес восхищался его рассказами, в которых место человека — на далекой периферии вселенской схемы вещей, а силы надмирные вселяют в души неосторожных священный ужас. До сих пор ежегодно выходят книги, развивающие и анализирующие наследие Лавкрафта, и «Черные крылья Ктулху» — из их числа. В этой антологии, составленной С. Т. Джоши, виднейшим авторитетом по творчеству Лавкрафта, представлены вдохновленные им произведения таких мастеров «литературы тревожного присутствия», как Кейтлин Р. Кирнан, Джон Ширли и другие.

УДК 821.111 + 821.111(73)
ББК 84(4Вел) + 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

Г. Ф. ЛАВКРАФТ,
КЕЙТЛИН Р. КИРНАН, ДЖОН ШИРЛИ и др.

ЧЕРНЫЕ КРЫЛЬЯ КТУЛХУ — 2

Восемнадцать историй из вселенной Лавкрафта

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Василий Дорогокупля
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Маргарита Ахметова, Анна Быстрова

Подписано в печать 19.02.2020. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-22953-01-R